

БРОНИСЛАВ ТАБАЧНИКОВ

ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ЖИВА...

От редакции: 5 августа 2016 года автор этого очерка, профессор Бронислав Яковлевич Табачников, отметил 80-летие. От всей души поздравляем с юбилеем этого обаятельного и по-настоящему интеллигентного человека, которого искренне любят сотни людей в нашем университете, где он плодотворно работал долгие годы. Желаем маэстро творческого долголетия и покорения новых духовных вершин.

Мужественное изучение нашей истории неизбежно приведет к неожиданным открытиям...

Из письма Петра Чаадаева графу Сиркуру
1846 год

Как давно это было, даже представить трудно. Шла вторая половина 50-х годов давно ушедшего XX века. Ярославль, в котором по воле судеб оказался автор этих скромных заметок, был в ту пору небольшим, глубоко провинциальным, несмотря на близость Москвы, городом. Война, закончившаяся всего-то десяток лет назад, его почти не коснулась. Он сохранял спокойную патриархальную тишину, как бы зависшую над размахисто-широким волжским простором. Зимы здесь после мягких днепровских ветров, овевавших моё отрочество, показались лютыми, снежными, метельными.

Деревянных в один этаж домов, почерневших от времени и

вросших в землю, было превеликое множество и в самом центре города, и неподалеку от него, не говоря уж об окраинах. Зимой эти архискромные городские жилища с удобствами во дворе покрывались могучими снежными шапками, напоминавшими головной убор гвардейцев британской короны. Издалека такой полусельский-полугородской пейзаж казался нарисованным кем-то из сострадающих пейзажистов-передвижников, хорошо представлявших трудности и неудобства обитателей этих хижин.

Самого меня, робкого студента-первокурсника Ярославского педагогического, поселили в благоустроенном многоэтажном студенческом общежитии, на самом краешке реки Которосли, устремлённой в Волгу. В опрят-

Профессор
Лазарь Борисович Генкин

ных коридорах вполне комфортного по тем временам молодёжного укрытия я впервые увидел идущего из умывальной комнаты профессора Лазаря Борисовича Генкина. Профессора, живущего в студенческом общежитии?! «Что за абсурд?», – спросит современный читатель. Да-да, милостивые государи-государыни, именно так всё и было. До второй половины 1950-х годов жилья советская власть в сколько-нибудь индустриальных масштабах не строила. Восстанавливала заводы, фабрики, в огромном количестве возводила полигоны, тысячи других военных объектов и в наипоследнюю очередь жильё. Хрущёвская инициатива в июне 1955 года о массовом строительстве дешёвых квартир, тут же

названных хрущёвками, имела окрыляюще-революционное значение. Доценты и профессора, переселённые в собственные малогабаритные пенальчики, наконец-то получили сладкую возможность «ходить в трусах» внутри принадлежащих им с чадами квадратных метров. Радости было – море! Но до такого счастья надо было дотянуться, дотерпеть, дожить! А пока почтенный профессор, только что переступивший полувековой порог, с женой и недавно родившимся сыночком проживал, что называется, на общей с беспокойной студенческой ватагой кухне. И не только он! Ещё добрых полтора десятка доцентов и просто преподавателей (профессоров в ту пору в провинциальных вузах считали на пальцах одной руки) ютились в условиях, более чем скромных...

Следующая моя встреча с будущим научным наставником случилась, к счастью, уже в скором времени. Непосредственно на лекции по истории России XIX века. Лазарь Борисович читал курс, обнимавший почти столетие – от восстания декабристов на Сенатской площади до Октября 1917 года. Неспешной, подчёркнуто спокойной походкой (наука, как и служенье муз, не терпит суеты), одетый в аккуратный тёмно-синий костюм, он входил в аудиторию, плотно притворял дверь, раскладывал на кафедре свои немногочисленные записи... и начинал разговор с аудиторией. Не лекцию, хочу подчеркнуть, а неспешный, обстоятельный разговор о превратностях невероятно сложного и противоречивого пути России, пережившей в пору после победы над Наполеоном рост международного авторитета и

Л.Б. Генкин. 1942 год

болезненно-мучительное унижение крымского провала; эпохальную отмену крепостного права и последовавшую за этим череду, как бы сейчас сказали, инновационных реформ всех сторон разноликой российской жизни. Лектором Генкин был отличным, материалом владел не просто свободно, но с троекратным запасом прочности. И на любой студенческий вопрос отвечал так обстоятельно, как будто только и ждал, что спросят именно об этом. Внешнего блеска, позы, эффектных сравнений избегал. Всё в его изложении было понятно и убедительно-целостно.

Впрочем, некая осторожность, с трудом угадываемая недосказанность тоже так или иначе ощущались. Осмысливая это,

хорошо понимаешь, что недавно пережитые времена лютых сталинских морозов с их невиданным разгулом государственного антисемитизма даже при искреннем желании ещё долго-долго не давали забыть о себе. Большая половина жизни сопровождалась постоянными страхами вполне реального ареста, в лучшем случае – партийных проработок, гонений, словом, репрессалий, принимавших порой уродливо-неожиданные формы. Вспоминаю в связи с этим один из многочисленных рассказов Лазаря Борисовича.

Конец 1920-х годов. В руки к сотруднику газеты «Красная Звезда», центрального армейского органа печати, где в те времена работал молодой военкор, попадает записка Сталина, адресованная прославленному военачальнику Михаилу Фрунзе. Он, тяжело больной, лежит на госпитальной койке. Посланице, дружески подписанное партийным псевдонимом Коба, пронизано настроением бодрости и надежды на то, что предстоящая красному операция завершится полным успехом и выздоровлением. В жизни, как мы помним, всё завершилось с точностью до наоборот. Почему? Об этом написано много, но ни одна версия документально не подтверждена. После операции или в результате её Михаила Васильевича не стало. Прошло несколько лет, приближалась годовщина кончины командира, и газета хотела откликнуться на печальную дату публикацией записки вождя. Однако сделать это по заведенному порядку можно было только с высочайшего дозволения. Редактор газеты пригласил сотрудника Лазаря

Генкина в свой кабинет и по «вертушке» (системе правительственной связи) соединил его с кремлёвским кабинетом Сталина. Трубку снял Поскрёбышев, сталинский секретарь. Лазарь Борисович изложил ему свою просьбу, а тот нежданно-негаданно моментально связал Генкина с САМИМ. Состоялся трёх-пятиминутный разговор по существу, разрешение на публикацию было получено. Но «гимнастёрка моя, – вспоминал Л.Б., – была мокрой от пота, да и сам я едва дышал». Этот избыток влаги и скачок артериального давления говорят о многом. Устойчивая осторожность будущего учёного, его всегда воодушевляющий разговор о Ленине как антиподе Сталина вполне оправданны и психологически понятны. Особенно в свете частого упоминания Л.Б. ленинской оценки товарища Сталина: «Сей повар большой мастак острые блюда готовить...»

...С ленинской революционной традицией (хороша ли она или плоха, не о том сейчас речь) Генкина связывала бунтарская юность в уездном городе Тамбовской губернии Борисоглебске, да и вся последующая жизнь до самого начала Великой Отечественной. На Ленинградском фронте он, выпускник исторического факультета прославленного университета Северной Пальмиры, уже кандидат наук (по тем временам – большая редкость), занимался комиссарской работой. Вместе с испанским коммунистом товарищем Карнисеро они выпускали листовки; используя радио, вели контрпропагандистскую деятельность, пытаясь достучаться до солдат и офицеров испанской Голубой дивизии, стоявшей вместе с гитлеровцами у стен великого города. И как знать, нет ли в быстром отводе испанских войск с фронта частицы усилий будущего профессора? Что ни говори, а испанский диктатор

Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде умел прислушиваться к голосу здравого смысла.

Что же до Лазаря Борисовича, то после войны он довольно быстро и сравнительно безболезненно защитил докторскую диссертацию, посвящённую положению ярославских и костромских крестьян в период подготовки и отмены крепостного права, и осел неподалеку от Москвы, где жила его старшая сестра Эсфирь Борисовна, даровитый учёный-историк, чья капитальная монография «Ленин – Председатель Совнаркома и СТО» (СТО – Совет труда и обороны) заслужила признание профессионального сообщества. По недомыслию я не расспросил Л.Б. о его и сестры родителях, их занятиях, увлечениях, но дети уж точно заурядностью не отличались. Умение на лету схватывать суть вопроса, глубоко постигать природу исторических явлений, не реагируя слепо на давление сверхмощного идеологического пресса, а главное – тщательно анализировать разнообразный корпус источников, фактов историографии и только на этой основе делать умозаключения и выводы – вот, пожалуй, основополагающие черты Генкина-учёного, позволявшие ему не терять лица даже в условиях абсолютного господства марксистско-ленинской методологии...

...Его научное наставничество было превосходной школой не только исследовательской работы, но и самой жизни. Назидательности, унылого менторства он всеми силами избегал. Принципиально не считал для себя возможным вмешиваться в чьи-либо обстоятельства и судьбы. Однако замечания и советы, подсказки и соображения были так точны, глубоки и существенны, что я каждый раз уходил от него окрылённый, с каким-то непостижимо новым

Вечер археологического кружка на истфаке ВГУ. Л.Б. Генкин, А.Д. Пряхин, В.В. Гусев (справа налево). 1968 год

Могила профессора Л.Б. Генкина
на Коминтерновском кладбище Воронежа

взглядом на жизнь. При этом появлялась уверенность в правильности намеченного с шефом вектора движения.

...В Воронеж Л.Б. Генкин попал почти 60 лет от роду. И для обеих сторон это стало благом. Тогдашнему декану исторического факультета ВГУ Анатолию Евсеевичу Москаленко в министерских коридорах пригрозили закрытием специальности, ежели в числе сотрудников в ближайшее время не появятся доктора наук и профессора. А Л.Б., как показалось мне тогда, в начале 1960-х, из моего армейско-сибирского далека, неумоготу было дышать ярославско-пединститутским воздухом, наполненным затхлостью после прихода на пост ректора демагога и невежды. К тому же хрущёвская оттепельная атмосфера, сама по себе эфемерная, в Ярославле почему-то улетучивалась заметно интенсивнее, чем в столице Черноземья.

...Прожито в Воронеже было, увы, меньше десяти лет, но сделано немало и в научном, и в педагогическом смыслах. Уважение коллег, студентов, администрации снискал безграничное, авторитет – непрекращаемый! После ушедшего из жизни незадолго до приезда Генкина профессора Ильи Николаевича Бороздина Лазарь Борисович занял место безусловного морального лидера в профессорско-преподавательском коллективе.

Научной школы в Воронеже профессор попросту создать не успел. И времени было в обрез, и тяготы предшествующей жизни как-то неожиданно быстро его состарили. Однако и сделанного оказалось немало. В конце 1960-х годов он опубликовал в Москве (по тем временам большая редкость и несомненная удача) солидную монографию «Дисциплина труда», получившую благодаря глубине проработки проблемы, интересной форме подачи материала высокую читательскую оценку.

В самостоятельное «плавание» в это время отправлялись и те, кому он помог профессионально определиться уже в Воронеже. Один из его подопечных, Владимир Семенович Листенгаартен, вот уже более полувека благополучно трудится в управленческих структурах университета. Михаил Дмитриевич Карпачёв, замеченный зорким профессором ещё на студенческой скамье, сделал совершенно блистательную научно-педагогическую карьеру. Его труды по истории ВГУ, аграрной истории России получили высокую оценку за пределами не только Воронежа, но и России. Кроме того, на протяжении четырёх десятилетий он радует студентов, учителей, широкий круг слушателей превосходными по содержанию и стилю лекциями по истории России XIX – начала XX веков. Словом, Воронежский университет стал счастливым для Л.Б. местом, где так красиво и задушевно прозвучала его лебединая песнь...

...Второго июля 1970 года факультет провожал профессора в последний путь, и вот уже 45 лет М.Д. Карпачёв и автор этих беглых меморий приходят к скромному монументу Генкину и его жене Евдокии Акимовне Кривченко (судьбы их соединились в суровые фронтовые годы) на Коминтерновское кладбище.

Память об учителе жива, неизгладима и необычайно требовательна.